

Геннадий Дурасов,
журналист

Северной песне жить!

М. В. Хвалынская.

— Мне и не верится, что ради песен да частушек моих из самой Москвы приехали. Признаться, думала, что раньше кого-нибудь заинтересуют эти записи. Да только ждала понапрасну.

Мария Васильевна Хвалынская горестно взмахнула рукой. Но глаза ее оставались веселыми. Сама невысокая, кругленькая, розовощекая. И лицо круглое, совсем молодое. Никак не хочется верить, что ей уже за семьдесят.

...Познакомился я с ней в одну из командировок к народным мастерам Каргополя. Тогда и узнал, что Мария Васильевна — старый краевед, хорошо знает историю и обычаи своего края. И завязалась у нас интересная переписка. А однажды рассказала она о частушках, которые собирала всю свою жизнь: записывала у исполнителей, переписывала из тетрадок у девушек-односельчанок.

— В семье нашей песни собирали почти все, — рассказывала Мария Васильевна. — У дедушки, у папы были книжки с записями. Брат и нас пятеро сестер тем же увлекались. Да только за жизнь свою я больше всех наобирала. Хотите послушать? — Она взяла со стола простую ученическую тетрадь:

— Милка фермой управляет,
Красный орден на груди,

К такой девушке хорошей
Мне приятно подойти.

Жгли лучины мы в деревне
Страшное количество,
Брошен этот способ древний —
Светит электричество.

— Это частушки новые, а у меня есть и старинные.

М. В. Хвалынская полистала тетрадь:

Не глядите на меня,
Глядите-ко на серьги,
Мне миленочек купил
На свои на деньги!

Каждая частушка вроде бы и замкнута в самой себе, но все вместе они — словно большая песня о жизни: о радостях и печалях, о надежде, любви, верности. И кажется, ни одной случайной строки. Может потому, что сошлись-то все эти частушки, в общем, из одних мест: из соседних деревень, архангельских и вологодских, куда забрасывала жизнь Марию Васильевну. Пришлось ей учительствовать во многих сельских школах. За долгие годы сколько судеб человеческих довелось узнать, сколько «песельниц» переслушала! И от каждой записывала в свои тетради новые и новые частушки о минувшей и современной ей деревенской жизни. Так что собрание ее, как и сама жизнь, тесно связано с родной северной деревней, и ее радушными, бескорытными людьми. И скопилось песен ни много ни мало — около восьми тысяч! И это несмотря на то, что лет сорок тому назад погибли первые ее записи, что смолodu хранила — всего б тысяч четырнадцать набралось! Не рассчитывала она за эту многолетнюю работу получить ни похвалу, ни благодарности. Зато оговоров и насмешек вытерпела немало. Один ее бывший начальник даже спросил как-то:

— Долго ли еще песни-то собираешься писать?

— До гробовой доски! — отвечала ему Мария Васильевна.

Русская частушка... Трудно себе представить без нее жизнь села конца прошлого — начала нашего столетия. Без удалого гармониста с «веночкой» или «тальянкой», без лихого игрока на трехструнной балайке. Пела частушки в основном молодежь, хотя знали их люди всех возрастов. Именно поэтому среди других в северной деревне больше всего было лирических любовных частушек, раскрывающих тончайшие душевные переживания своих героев. Исполнялись они и без музыкального сопровождения, хором, на молодежных гуляньях и в одиночку, просто выкрикивались в такт пляски. Родившись в недрах народной жизни на богатой песенно-фольклорной почве, частушки сохранили тесную связь с шуточными и плясовыми, любовными и свадебными, рекрутскими песнями, притчами и плачами...

Сколько судеб людских прошло перед моими глазами, когда я слушал, а затем сам перечитывал записи Марии Васильевны. Северные частушки, собранные ею, — это и судьба и жизнь народная. Для будущих поколений станут они ценным материалом, по

которому можно будет составить представление о всех сторонах деревенской жизни с ее бытом и обычаями. Нашли здесь свое отражение молодежные праздники, семейный быт, порой еще со строгим древним укладом, порядок взаимоотношений внутри семьи и односельчан между собой. Здесь и крестьянский труд с пахотой, сенокосом, жнивием и женское рукоделие: прядние льна, ткачество, шитье одежды.

Поведают они нам и о народных обычаях: как водили девушки весенние и летние хорыводы на «горушках», как после уборки урожая собирались все вместе на беседы. Из них узнаем мы и интересные сведения о значении цветовой символики в народной жизни: на свой первый вечерок приходила девушка в голубом. Полюбила, и ее любят — надевает алый, розовый или красный сарафан или платок, получила от «дройл» письмо в розовом конверте — он ее любит. Голубой конверт — верность, желтый — к измене:

Подарил милый букет —
Не оробела девушка,
В букете желтые цветы —
Проклятая изменушка.

Вся природа, и деревья, и птицы, становятся в частушке вестником горя и радости. И здесь — тоже свои символы: береза — к любви, рябина — к печали, с елью связаны думы о смерти. Запоет соловей — к разлуке, а раскукуется кукушка — жди неминуемой беды.

— А почему бы вам не послушать самих наших песенников? Да и ходить далеко не придется. Через дорогу Прасковья Владимировна живет. Познакомьтесь с ней и вы поймете, как судьбы песни и человека неразделимы. В песне — вся наша душа.

Прасковья Владимировна Ботутиной 72 года, но и по сей день ее память хранит сотни и сотни частушек, множество «долгих» старинных песен.

— Сама-то я стара, да душа молода, оттого и пою, — говорит она. — Со старухами мы и сейчас спели бы где хошь — и в клубе, и на свадьбе. А что? Песни наши красивые, душевные! Да только не всяк понимает их. Молодежь иногда и насмехается. И рот не успеешь отворить, а тебе: «Гли-ко, — старуха, а все песни на уме». А ты посуди сам, коль не станем мы петь, дак и забудется старинное. А таких песен, как наши, больше не сочинить!

Захотелось мне послушать и других исполнителей. Стоило лишь заговорить об этом, как еще и еще называли мне имена...

Так пришел я в дом к Марье Петровне Кушниковой.

— Сама-то я от бабушки песням да припевам научена, а она от своей бабушки переняла. Вот и сосчитай, когда их певали. А тебя какие интересуют, только ли частушки или всякие? Тогда садись, а я девку буду качать да тебе спою:

Летал голубь, летал сизый,
Со голубошкой.
Ходил-гулял молодец
С красной девушкой.

Кабы эта-то голубушка
За голубем была,
Кабы эта красна девица
За мною — молодец.

Я в Калитинке прежде жила, там в хоре певала. У нас в районе в каждом сельсовете был свой хор, не то что теперь. В Москву даже с песнями приглашали! А none лишь в Хотенове пять-шесть старух осталось. Те еще вместе держутся, поют. Да уж и их давно не слышно ни по радио, ни в Доме культуры.

«Действительно, — подумал я, — почему по сельскому радио не зазвучат старой песни? Ведь порой, чтобы дать песню вторую жизнь, надо совсем немного».

Рассказывали мне, одно время в квартире М. П. Кушниковой песня стала звучать чуть ли не целый день. Оказалось, что голос Марии Петровны записал на магнитофон ее зять. Слушал потом эти песни с односельчанами, а те лишь дивились: «А ведь и вправду такое нельзя забывать!».

Фольклорное наследие, любовно собранное Марией Васильевной, теперь не пропадет. Северо-Западное книжное издательство готовит к печати сборник частушек из ее собрания. Будем надеяться, что увидит свет и многое другое, что бережно для нас она сохранила. Возможно, пример простой русской женщины научит и других.

Один из английских путешественников в свое время писал с изумлением: «Ямщик поет от начала до конца станции, земледelec не прекращает петь при самых трудных работах; во всяком доме раздаются громкие песни, и в тихий вечер нередко до слуха нашего отголоски из соседственных деревень»¹.

Поразила чужестранца страсть нашего народа к пению, которое слышал он повсюду и не мог надивиться этому. Трудно ему было понять, почему поют люди в безудержном веселье и в радости, горести и в безысходной печали.

Заклучена в песне российской неведомая тайна.

Тайну эту знают у нас не только исполнители, не только такие, как М. В. Хвалынская, — бережные хранители и собиратели народной песни. Тайна эта откроется каждому, кто однажды вслушается в народный мотив, задумается над его содержанием, подтянет песню со всеми вместе.

¹ Путевые записки от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование имп. Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII ст. Пер. с франц. — СПб., 1836, с. 47.